

Посвящается Эстер Эрл

Поднимался прилив. Тюльпановый Голландец обернулся к океану:

— Разлучает воссоединяет отравляет укрывает разоблачает. Набегая и отступая, все уносит с собой.

— И что это? — спросила я.

— Вода, — ответил Голландец. — И время.

Питер ван Хаутен. Царский недуг

От автора

Это не столько обращение, сколько напоминание о том, что роман является плодом художественного вымысла. Я его придумал.

Ни книги, ни читатели нисколько не выигрывают от попыток установить, легли ли в основу произведения реальные факты. Подобные попытки подрывают идею значимости выдуманных сюжетов, которую можно причислить к фундаментальным догмам нашего биологического вида.

Надеюсь на ваше понимание.

Глава 1

В конце моей семнадцатой зимы мама решила, что у меня депрессия, потому что я редко выхожу из дома, много времени провожу в кровати, перечитывая одну и ту же книгу, мало ем и посвящаю избыток свободного времени мыслям о смерти.

В любой брошюре, на любом сайте, посвященном раку, депрессию называют одним из его побочных эффектов. На самом деле депрессия не побочный эффект рака. Депрессия — побочный эффект умирания. (Рак — тоже побочный эффект умирания. Да и вообще в эту категорию можно отнести практически все.) Но мама решила отвести меня к лечащему врачу, доктору Джиму, который подтвердил, что я действительно погружена в парализующую, уже клиническую депрессию, поэтому нужно скорректировать принимаемые мною лекарства и обязать меня посещать еженедельные заседания группы поддержки.

Группа поддержки отличалась постоянной сменой состава участников, пребывавших в разных стадиях депрессии по поводу своей онкологии. Почему состав менялся? Побочный эффект умирания.

Посещения группы поддержки угнетали хуже некуда. Собрания проходили по средам в подвале каменной

епископальной церкви, фундамент которой имел форму креста. Мы садились в кружок посередине — там, где пересекались бы перекладины и находилось сердце Иисуса.

Я обратила на это внимание только потому, что Патрик, руководитель группы поддержки и единственный из нас, кому уже исполнилось восемнадцать, заводил волюнку об Иисусовом сердце каждую чертову встречу — как мы, юные борцы с раком, сидим в самом сердце Христа, священное места не найти, и все такое.

А вот что происходило в сердце Иисусовом: вшестером, всемером или вдесятером мы входили или въезжали на инвалидных креслах, нехотя жевали каменное печенье, запивая лимонадом, садились в круг доверия и в тысячный раз слушали занудный рассказ Патрика о том, как у него случился рак яичек и все думали, что он умрет, но он не умер и теперь сидит перед нами в церковном подвале города, занимающего сто тридцать седьмое место в списке лучших городов Америки, взрослый, разведенный, подсевший на видеоигры, без друзей, влачащий жалкое существование, эксплуатирующий свое онкорасчудесное прошлое, еле ползущий к получению диплома магистра, который никак не улучшит его карьерные перспективы, живущий, как все мы, под дамкловым мечом-избавителем, с которым разминулся много лет назад, когда рак отнял у него яйца, оставив то, что лишь самая сердобольная в мире душа назовет жизнью.

ВАМ ТОЖЕ МОЖЕТ ТАК ПОВЕЗТИ!

Потом мы познакомились: имя, возраст, диагноз, настроение. «Меня зовут Хейзел, — говорила я, когда до меня доходила очередь. — Шестнадцать. Первичная ло-

кализация в щитовидке и старые, но внушительные метастазы в легких. У меня все о'кей!»

Дав всем представиться, Патрик спрашивал, не хочет ли кто чем поделиться. И начиналась круговая мастурбация: каждый лепетал о борьбе и победе, о потере веса и результатах сцинтиграфии*. Надо отдать Патрику должное: он позволял нам говорить и о смерти. Но большинство находились не в терминальной стадии и должны были дотянуть до совершеннолетия, как Патрик.

(Отсюда вытекало наличие нехилой конкуренции: каждому хотелось пережить не только рак, но и всех присутствующих. Пусть это иррационально, но когда говорят, что у тебя, скажем, двадцать шансов из ста прожить пять лет, ты с помощью несложного математического перевода получаешь один шанс из пяти, после чего оглядываешься и думаешь: мне надо пересидеть четырех из этих гадов.)

Единственной компенсирующей составляющей группы поддержки был парень по имени Айзек, длиннолицый, тощий, с прямыми светлыми волосами, свисающими на один глаз.

Проблема у него была как раз с глазами. У Айзека была невероятно редкая форма рака. Один глаз ему удалили в детстве, и он носил очки с толстыми стеклами, в которых его глаза, настоящий и стеклянный, казались неестественно огромными, словно на лице у него только и было, что фальшивый глаз да настоящий глаз, глядевшие на тебя. Насколько я поняла из нечастых визитов Айзека в группу поддержки, рецидив поставил под угрозу его оставшийся орган зрения.

* Радиоизотопное исследование. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мы с Айзеком общались с помощью вздохов. Всякий раз, как кто-то обсуждал противораковые диеты или предавал остракизму вытяжки из акульих плавников, он смотрел на меня и тихонько вздыхал. Я едва заметно качала головой и вздыхала в ответ.

В общем, группа поддержки не помогла: через несколько недель я готова была отбиваться ногами, лишь бы туда не ездить. В ту среду, когда я познакомилась с Огастусом Уотерсом, я предприняла все возможное и невозможное, чтобы остаться дома, пока мы с мамой сидели на диване и смотрели третью серию двенадцатичасового марафона прошлого сезона «Топ-модель по-американски», который я уже видела, но все равно смотрела.

Я: Я отказываюсь посещать группу поддержки.

М а м а: Одним из симптомов депрессии является потеря интереса к любым занятиям.

Я: Ну давай я буду смотреть «Топ-модель по-американски»! Это тоже занятие.

М а м а: Это пассивное занятие.

Я: Ну ма-ам, ну пожалуйста!

М а м а: Хейзел, ты уже почти взрослая. Ты не маленький ребенок. Тебе нужно заводить друзей, выходить из дома, жить своей жизнью.

Я: Если ты хочешь, чтобы я вела себя как взрослая, не посылай меня в группу поддержки. Лучше достань мне фальшивое удостоверение личности, чтобы я могла ходить по клубам, пить водку и принимать гашиш.

М а м а: Ну во-первых, гашиш не принимают...

Я: Вот видишь! Я бы это знала, будь у меня фальшивые документы!

М а м а: Ты поедешь в группу поддержки.

Я: А-а-а-а-а!

Мама: Хейзел, ты заслуживаешь жизни.

На это у меня возражений не нашлось, хотя я так и не поняла, как посещение группы поддержки можно привязать к понятию «жизнь». Но ехать согласилась, выторговав право посмотреть потом в записи те полторы серии «Топ-модели», которые пропущу.

Я согласилась посещать группу поддержки по той же причине, по какой позволяла всяким медсестрам с полугодовым образованием пичкать меня лекарствами с экзотическими названиями: ради родителей.

Хреновей, чем умирать от рака в шестнадцать, может быть только одно: иметь ребенка, который умирает от рака.

К заднему фасаду церкви мы подъехали без четырех минут пять. Несколько секунд я притворялась, что вожусь с кислородным баллоном — просто чтобы убить время.

— Помочь?

— Нет, спасибо, — сказала я.

Зеленый баллон весит всего несколько фунтов, плюс у меня есть стальная тележка, чтобы возить его за собой. Через канюлю из баллона в меня поступает два литра кислорода в минуту — прозрачная трубка раздвигается сзади у шеи, цепляется за уши и вновь соединяется под ноздрями. Хитрая трубка с баллоном необходима, потому что легкие ни фига не справляются со своей задачей.

— Я тебя люблю, — сказала мама, когда я вылезала из машины.

— Я тебя тоже. Подъезжай к шести.

— Заводи друзей, — напомнила мама через опущенное стекло, когда я шла к подвалу.

К лифту я не пошла: лифтом пользовались только те, кому осталось жить несколько дней. Спустившись по лестнице, я взяла печенье, налила лимонада в бумажный стаканчик «Дикси» и обернулась.

На меня пялился какой-то парень.

Я его никогда раньше не видела. Долговязый и худой, но не хилый, он скрючился на детском пластиковом стульчике. Короткие прямые темно-рыжие волосы. Мой ровесник или, может, на год старше, сидит на краешке стула в вызывающе неудобной позе, одна рука наполовину засунута в карман темных джинсов.

Я отвела глаза, сразу вспомнив о тысяче своих недостатков. Я в старых джинсах, которые прежде едва налезали, а теперь висят в самых неожиданных местах, и желтой футболке с рок-группой, которая мне уже не нравится. Волосы у меня подстрижены под пажа, и я не забочусь их расчесывать. Ну и щеки как у хомяка — побочный эффект стероидов. В общем, я выглядела как человек нормального сложения с воздушным шаром вместо головы. Это я еще не вспоминаю о толстых икрах и лодыжках. И все же я украдкой посмотрела на незнакомца. Он по-прежнему не сводил с меня глаз.

До меня впервые дошел смысл выражения «встретиться взглядами».

Я села рядом с Айзеком, через два стула от новенького. Покосившись, я убедилась: все еще смотрит.

Ладно, скажу прямо: он был красавчик. Когда на тебя неотрывно глядит некрасивый парень, это выходит в лучшем случае неловко, а в худшем — как попытка оскорбить. Но красавчик... М-да.

Я вынула мобильный: без одной минуты пять. Круг уже заполнился несчастными душами от двенадцати до

восемнадцати, и Патрик начал свою коротенькую молитву: «Господи, дай мне спокойствие принять то, что я не могу изменить, мужество изменить то, что в моих силах, и мудрость отличить одно от другого». Парень по-прежнему смотрел на меня. Я почувствовала, что краснею.

Вскоре я решила, что правильной стратегией будет пялиться в ответ. В конце концов, у парней нет монополии на пристальные взгляды. Пока Патрик в тысячный раз признавался в своей безыищности, я оглядела новенького с ног до головы, и между нами завязалось соревнование взглядов. Вскоре парень улыбнулся и отвел голубые глаза. Когда он снова посмотрел на меня, я подвигала бровями в знак того, что победа осталась за мной.

Он пожал плечами. Патрик продолжал свое. Настало время представиться.

— Айзек, может, ты сегодня начнешь? Я знаю, у тебя сейчас трудное время.

— Да, — согласился Айзек. — Меня зовут Айзек, мне семнадцать лет. Судя по всему, через две недели у меня будет операция, после которой я останусь слепым. Я не жалуясь, многим приходится и хуже, но, понимаете, слепота — это такое дерьмо... Меня поддерживает моя девушка. И друзья. Огастус вот, например. — Он кивнул на новенького, у которого теперь появилось имя. — Так что вот так, — продолжал Айзек, глядя на свои руки, сложенные домиком. — И вы тут ничем не поможете.

— Мы рядом, Айзек, — сказал Патрик. — Пусть Айзек услышит нас, ребята.

И мы все повторили:

— Мы рядом, Айзек.